

УДК 811.161.1

КОРРЕКТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНЫХ ЧАСТИЦ

И. А. Нагорный

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

В статье анализируется корректирующая функция модально-персуазивных частиц как репрезентаторов точки зрения говорящего в аспекте достоверности сообщаемого. Модально-персуазивные частицы рассматриваются в качестве средств, корректирующих позицию высказывания на модальной шкале степеней достоверности между полюсами утверждения и отрицания.

Ключевые слова: модально-персуазивные частицы, модальная шкала степеней достоверности, функция, утверждение, отрицание, предположение, сомнение.

Введение

Русские персуазивные частицы включаются в группу модальных, служат для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Их яркая функциональная семантика, базирующаяся на факторе антропоцентризма, широкая гамма эксплицируемых в высказывании модусных смыслов обусловили закономерный интерес к данным частицам как вероятностным квалификаторам сообщаемого.

К модально-персуазивным частицам (далее – МПЧ) относятся **собственно-предположительные** (как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли); **сомнительно-предположительные** (едва ли, вряд ли); **сравнительно-предположительные** (будто, как будто, точно, словно, словно бы, вроде, ровно); **избыточно-предположительные** (едва ли не, вряд ли не, чуть ли не); вопросительно-предположительными (разве, неужели, неужто); **эвиденциально-предположительные** (мол, дескать, якобы, де).

Данные частицы способны фиксировать высказывание на так называемой модальной шкале степеней достоверности на отрезке между смысловыми полюсами утверждения и отрицания.

Основная часть

В лингвистике имели место попытки построения шкалы достоверности. Одна из первых принадлежит датскому лингвисту О.Есперсену. В своем труде «Философия грамматики» он подчеркивает то промежуточное положение, которое занимает «сомнительная ступень» **В**, расположенная между «положительной» и «отрицательной» ступенями (**А** и **С** соответственно) [1, с. 373 – 374]. Правда, О.Есперсен, используя логический подход, не исследует более частные вариации обозначенной им ступени **В**, но сам факт, что эта ступень была выделена как самостоятельная, было указано на то, что она «допускает большое количество частных подразделений» [Там же, с. 375], представляется весьма значительным. Позже также предпринимались попытки построения шкалы достоверности. Например, авторы «Теории функциональной грамматики» предложили шкалу, включающую три степени вероятности в зависимости от типов ситуаций: вероятность осуществления ситуации оценивается как высокая, средняя или невысокая. Крайними точками этого семантического континуума являются значения «вероятность равна нулю» и «вероятность равна единице» [2, с. 163 – 165].

Определимся в понимании модальной шкалы степеней достоверности (МШСД). Данная шкала – условное градуальное построение векторного типа, отправной точкой которого выступает значение нейтральной достоверности, выражающее констатацию говорящим факта действительности. Грамматически оно представлено

утвердительными и отрицательными конструкциями, зафиксированными на полюсах утверждения и отрицания.

Промежуточное положение на указанной шкале отводится модальным значениям, которые базируются на смысловой трансформации нейтрально-констатационного способа представления информации (Ср.: *Ребенок действительно (безусловно, конечно, может быть) ходит в школу; Ребенок небось (чай, якобы, авось, вряд ли, едва ли* т. д.) *ходит в школу*). Сюда относятся условно зафиксированные модальные значения категорической и проблематической достоверности, которые представляют собой пограничные пункты МШСД, отделяющие указанные значения от модального значения нейтральной достоверности (констатации). Модальные значения категорической и проблематической достоверности представляют собой градуированные сущности с линейной протяженностью смысловых компонентов: 1) от полюса достоверности (констатация факта: грамматическая представленность – утвердительное предложение) до зоны «предположение» (смысловое пространство категорической достоверности); 2) от зоны «предположение» до полюса достоверности (констатация факта: грамматическая представленность – отрицательное предложение) (смысловое пространство проблематической достоверности (вероятности)).

Заметим, что МШСД – образование не формального, а семантического уровня. На шкале дифференцированно фиксируются не формальные средства выражения модально-персуазивной квалификации (аспект модальной парадигмы предложения), а смыслы, эксплицируемые этими средствами в высказывании в рамках модального значения проблематической достоверности. Тем не менее данные смыслы вербализуются (в том числе и при помощи МПЧ), поэтому не вести речь о средствах выражения модального значения, составляющего костяк одного из отрезков МШСД, мы не можем.

Лексико-грамматические средства выражения модальных значений фиксируют высказывание на МШСД в порядке уменьшения степени сомнения и, следовательно, постепенного увеличения доли уверенности говорящего в соответствии высказываемого действительности, реальному положению дел (Ср.: *Он поедет отдохнуть – Естественнее всего (конечно же), он поедет отдохнуть – Вполне возможно (весьма вероятно), он поедет отдохнуть – Чай (поди, небось* др.) *он поедет отдохнуть – Вряд ли (едва ли) он поедет отдохнуть – Он не поедет отдохнуть*). Высказывания с МПЧ, выражающие модальное значение проблематической достоверности, занимают на указанной шкале отрезок между смысловыми полюсами утверждения и отрицания, ограниченный с одной стороны оттенком глубокого сомнения в сказанном, семантически приближенным к отрицанию факта действительности (*Я едва ли хотел его смерти* (Ю.Семенов); *-Ты скоро подружишься с ним. -Нет, вряд ли* (А.Чехов)), а с другой – зоной модального значения категорической достоверности (акцентированной уверенности говорящего в сообщаемом), грамматическим средством выражения которого являются модальные слова и частицы с соответствующей семантикой (*Несомненно, с этим приходилось считаться* (В. Шишков); *Действительно, это так* (А. Толстой); *Даже более того – семь десятин, – в запальчивости говорил Федор* (Ф.Панферов)). Иначе говоря, рассматриваемые нами высказывания фиксируются на МШСД в ряду высказываний со средствами выражения модальности с предположительным значением.

Лексико-грамматические значения МПЧ различных групп обуславливают лишь самые общие критерии фиксации высказывания на МШСД. Известно, например, что МПЧ сомнительно-предположительной группы предназначаются для выражения, скажем, того или иного оттенка сомнения (*-Интересно: мне кажется, я помню все это. – Иван кивнул в сторону огородов. -Что? – не понял Ефим. -Деревню. -Ну-у, навряд ли!* (В. Шукшин); *Имя Анатолия Шайкевича вряд ли скажет что-то современному читателю* (журн.текст)), в то время как МПЧ собственно-предположительной или вопросительно-предположительной групп более сориентированы на экспликацию оттенков предположения (Ср.: *-Куда я, в самом деле, бегу? –*

подумал он. – *Как будто уже все пропало* (Н. Гоголь); *-Ты верующий, что ли?* (В. Шукшин)). Конкретный же оттенок модального значения проблематической достоверности без учета всех (в том числе и прагматических) факторов вряд ли может быть выведен только на основе классификации формальных средств, фиксирующих высказывание на одном из отрезков МШСД. Поэтому указанная фиксация в достаточной степени условна. Она предполагает не установление конкретного смыслового оттенка, актуализируемого той или иной частицей в конкретном высказывании, реализованном в конкретной речевой ситуации, а прежде всего обоснование общих критериев: во-первых, – развития отношений между МПЧ и другими средствами выражения модального значения проблематической, категорической и нейтральной (констатационной) достоверности; во-вторых, – фиксации места, отводимого высказываниям с МПЧ на указанной модальной шкале; в-третьих, – фиксации основных квалификативных смыслов, реализуемых МПЧ различных групп в пределах МШСД, и в этом аспекте соотносимых с другими смыслами, возникающими, например, в рамках категорий утверждения/отрицания и уверенности/неуверенности.

Основанием для фиксации высказывания на отрезке МШСД, отведенном модальному значению проблематической достоверности, служит степень достаточности знания говорящим условий, которые позволяют квалифицировать описываемое событие по критерию соответствия его истинности/ложности. Для высказываний с МПЧ в этом аспекте характерно четкое соответствие объективному (неполное знание условий) и **субъективному** (недостаточное владение информацией о событии) критериям знания. Другим серьезным основанием для фиксации может служить степень авторской уверенности/неуверенности в сообщаемом, которая соотносится с данными критериями знания.

Если критерий знания является объективным основанием модального значения проблематической достоверности, то уверенность/неуверенность – субъективное, личностное основание данного модального значения. Первое основание – это база для реализации второго (субъективного) основания модальной квалификации события.

Определяя свое отношение к действительности, говорящий в большинстве случаев основывается на знании определенного факта. В то же время он может и не обладать в полной мере таким знанием. В этом случае авторское отношение устанавливается уже из косвенных источников: контекстно-языковой ситуации, степени знания обстоятельств, сопровождающих высказываемую мысль. Информация, полученная таким образом, не всегда достоверна, поэтому говорящий акцентирует свою недостаточную осведомленность в каком-то конкретном случае вводом дополнительных интонационных или грамматических показателей с соответствующей семантикой, например: *-Сегодня, – с сомнением произнес Вадим. – Хотя, может быть, и получится* (журн. текст); *Вероятно, мне следовало бы к ней подойти, но я не знал, как это лучше сделать* (Г.Марков); *Неужели, Веня, ты больше не помнишь ничего? Неужели ты сразу погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия?..* (В.Ерофеев); *Вряд ли кто видел, чтобы из летчиков получались путные водители, – стоит на своем Саня-сан* (О.Гончар). Так создается в предложении модальный фон вероятности. А в связи с тем, что персуазивность предполагает квалификацию излагаемой информации именно с этой стороны, закономерно возникает вопрос об уверенности/неуверенности как смысловом компоненте модально-персуазивной квалификации и, соответственно, как факторе, влияющем на положение высказывания на МШСД.

Уверенность является определяющей модального значения нейтральной и категорической достоверности, а неуверенность – модального значения проблематической достоверности (вероятности).

Необходимо отличать, с одной стороны, авторскую уверенность от самой достоверности факта действительности, а с другой, – неуверенность от недостоверности (вероятности) сказанного. В определенном речевом контексте и при соответствующем

интонационном оформлении большая доля авторской уверенности может присутствовать и в высказываниях с модальным значением вероятности. Подобное наблюдается, например, в высказываниях, где имеются дополнительные формальные показатели авторской уверенности (*Нет, **вряд ли** нам это поможет* (Б. Зотов); *Поэтому я **вряд ли** узнаю об этом* (Б. Сарнов); *Да **разве** не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись?* (А. Пушкин); *Утром наконец-то закончил главу... – **ц** как **будто** не напрасно* (К. Чуковский); *Она **поняла**, что **вряд ли** скажет ему сейчас то, что хотела сказать минуту назад* (К. Паустовский).

В плане содержания смысловые отношения уверенности/неуверенности присущи каждому предложению. Однако в плане выражения они проявляются не всегда, потому что обязательного наличия специальных языковых показателей требует только неуверенность говорящего в достоверности информации [3, с. 37]. Констатация факта действительности обычно никакими специальными языковыми знаками не сопровождается, за исключением особых случаев, где необходимо введение в состав высказывания акцентированного подтверждения достоверности информации, например: *Действительно, я пойду туда; Несомненно, мне это нравится.*

Следует отметить, что намеренное удаление из высказывания лексико-грамматического средства выражения акцентированной авторской уверенности в достоверности излагаемого гораздо менее ощутимо для трансформации смыслового поля. Высказывание при этом остается стабильно зафиксированным на полюсе достоверности (Ср.: *Естественно (конечно, несомненно), я пойду в школу – Я пойду в школу*). В случае же удаления из структуры лексико-грамматического средства выражения проблематической достоверности смысловое поле высказывания претерпевает существенную трансформацию. Высказывание при этом примыкает к одному из смысловых полюсов, в то время как ранее было четко обозначено лишь его промежуточное положение (Ср.: *Я **вряд ли** (вроде, авось, может быть, вероятно и др.) пойду в школу – Я пойду в школу*). Данный процесс подтверждает предположение о том, что лексико-грамматические средства выражения проблематической достоверности несут в высказывании большую смысловую нагрузку, нежели средства подтверждения достоверности сообщаемого. Это обусловлено тем, что влияние первых – корректирующего характера, в то время как влияние, осуществляемое лексико-грамматическими средствами выражения категорической достоверности, – подтверждающе-уточняющее.

Понятия достоверности/вероятности и уверенности/неуверенности хотя и обладают взаимообусловленной семантикой, тем не менее не являются идентичными. С одной стороны, смысловые отношения уверенности/неуверенности, как и модальное значение достоверности/вероятности, имеют прямое отношение к квалификации события. В этом аспекте они, несомненно, сближаются друг с другом. С другой стороны, это не должно явиться поводом для их отождествления. Необходимо в этом плане выделить исходное и результат. В роли исходного выступают смысловые отношения уверенности/неуверенности, а уже на их основе – как результат соответствия высказывания той или иной степени авторской уверенности или неуверенности – возникает одно из модальных значений категорической или проблематической достоверности. Более того, как раз авторской уверенностью/неуверенностью определяется градация модальных оттенков как категорической, так и проблематической достоверности (Ср.: - *А все-таки интересно знать, как же вы с князем-то?.. **Неужто** так и объяснения у вас никакого не было за лебедей?* (Н. Лесков) (предположение с оттенками недоумения, удивления); -*Есть, есть девочка. Хворает, как же. Замучила лихманка. Ты мать, **что ли**, ей?* (В. Слепцов) (слабо обоснованное предположение); *Смололи муки на муку, И хлеб как **будто** вышел... А я поверить не могу. Мы ни при чем. Все – свъише!* (Р. Казакова) (обоснованное предположение с оттенком кажимости); *Так второгодник начнет **едва ли** хватать пятерки...* (Р. Казакова) (обоснованное сомнение); *Но **разве** продается Полмира за пятак И что-нибудь дается На свете про-*

сто так? (И. Василькова) (предположение с оттенками неодобрения, осуждения или колебания); **Едва ли не сосед справа первым заговорил о предстоящих холодах** (газетн. текст) (избыточное предположение).

Уверенность/неуверенность, как и возникающая на ее основе квалификация, – чисто индивидуальный фактор в том смысле, что уверенность одного индивида не равна уверенности других индивидов. Таким образом, уверенность/неуверенность – это всегда право выбора субъектом способов вербализации своей позиции, одним из которых является модально-персуазивная квалификация события.

Уточним, что речь ведется только об аргументированной уверенности/неуверенности (даже если степень аргументации при этом минимальна). Такая уверенность/неуверенность базируется на прямых/косвенных объективных данных или субъективных ощущениях, которые не расходятся с возможным (вероятным) положением вещей. Основой уверенности/неуверенности, таким образом, должен быть признан критерий знания, точнее – степень знания, которая служит показателем степени осведомленности говорящего в сообщаемом. Явная либо скрытая мотивировка причин вводимой субъектом квалификации оказывается важной для того, чтобы высказывание могло занять отводимое ему место на МШСД.

Неаргументированная, т.е. ничем не обоснованная уверенность/неуверенность, не имеющая оснований для своего проявления, в расчет приниматься не должна, потому что она фактически непредсказуема, может проявиться когда угодно (так как не зависит от условий знания) и относительно чего угодно (так как не имеет четко сориентированного на пространственно-темпоральной оси объекта своего приложения).

Большинство речевых высказываний построено на авторской уверенности. Сюда относятся все фактические высказывания, которые имеют место в повседневной речевой деятельности всякого индивида. Предложения типа *Вон едет машина; Включи свет; Я пошел на работу* заключают нейтральную, констатационную уверенность в сказанном. Более того, они достоверны фактически, и их достоверность определяется восприятием индивидом информации при помощи органов чувств или эмпирически. Уверенность автора всегда вытекает из определенной коммуникативной ситуации, проявляется с опорой на какие-то знания, восприятие, факты действительности и т.п.: *Он придет* (я знаю, уверен, имею сведения, что он не может не прийти); *Дождь идет* (Вижу, знаю, уверен, что дождь идет).

Неуверенность в достоверности информации опирается на нечеткость самой информации, ее отсутствие, невозможность прогнозирования развития ситуации, невозможность прямого восприятия объекта квалификации. Неуверенность, как и уверенность, качественно присуща в целом человеку. Она проявляется в определенных речевых ситуациях, которые заставляют говорящего использовать именно такой способ оформления мысли. Неуверенность имеет место тогда, когда квалифицируемая информация не относится говорящим к разряду фактической. Это может быть обусловлено разными причинами информативного, психологического, прагматического характера. Важно подчеркнуть то, что неуверенность проявляется как фактор выбора между «да» и «нет». Фактор же выбора ведет к зависимости конечного результата (квалификация высказывания) не только от объективных, но и от субъективных критериев.

Степень уверенности/неуверенности говорящего в сообщаемом имеет градуальный характер. Дифференциация степеней уверенности в высказываниях с МПЧ соотнесена с оттенками категорической и проблематической достоверности, фиксируемыми на МШСД. Диапазон изменения степеней уверенности/неуверенности широк: от полной уверенности в сказанном до уверенности в обратном: *-Расскажите... расскажите... кто там эту кражу совершил? Сапоги там какие-то, что ли?* (А. Куприн) (предположение); *Предположение это как будто подтвердилось* (А. Казанцев) (предположение со слабой степенью обоснованности); *-Вы опять так утверждаете, что как будто и я там была? ...Разве не видно, что была?*

(Н. Лесков)(обоснованное предположение); *-Она, видно, работа-то, не мед, – говорили соседи. – Небожь была бы мед, кабы хозяин попался путный!* (И. Бунин)(обоснованное предположение); *-А ты был свехоптимистом и вряд ли задумывался над тем, что смертен, как и все* (В. Головачев)(обоснованное сомнение); *Так начинается стремительный творческий расцвет Куприна, создавшего на стыке двух веков едва ли не все самые значительные свои произведения* (О. Михайлов) (избыточность).

Если степень уверенности есть величина переменная, то универсального средства для ее выражения быть не может. Таких средств в арсенале говорящего множество, и ему остается выбрать из них только то, которое наиболее точно подошло бы для выражаемой им мысли. В этом аспекте необходимо признать, что лексико-грамматические средства не всегда способны выразить все нюансы авторского отношения к высказываемому со стороны уверенности/неуверенности в сообщаемом. Поэтому мы редко не наблюдаем в предложении взаимодействия МПЧ со средствами других уровней языка, в первую очередь – интонационного.

Еще один важный аспект, находящийся в тесной связи с проблемой фиксации высказываний с МПЧ на МШСД, составляет проблема соотношения модального значения проблематической достоверности с категорией утверждения/отрицания.

Вопрос о соотношении категорий утверждения/отрицания и модальности до сих пор в лингвистике не решен однозначно. Исследователями формулируются две противоположные точки зрения на данную проблему. Высказывается достаточно веских аргументов как в пользу того, чтобы категорию утверждения/отрицания считать модальной [4; 5; 6; 7], так и в пользу того, чтобы не считать ее таковой [8; 9; 10]. Следует внимательно отнестись к достаточно веской аргументации сторонников обеих концепций. В то же время необходимо отметить, что категория утверждения/отрицания не выступает определяющей объективно-модального значения предложения, так как само это противопоставление «накладывается» в предложении на модальное значение реальности/ирреальности [9, с. 146].

То, что категорию утверждения/отрицания рассматривают как субъективную, конечно, сближает ее с модальностью. Приписывать же ей основное, инвариантное модальное значение не следует, хотя нужно заметить, что противопоставление предложений по признаку утвердительности/отрицательности составляет оппозицию, которая обнаруживается во всех типах предложений. Однако это не служит поводом для признания того, что другие виды модальных характеристик организуются вокруг утверждения/отрицания. Последнее – оппозиция не модального, а абстрактно-смыслового плана. Ее следует рассматривать на логико-грамматическом уровне, ибо утверждение/отрицание прямо связано с суждением. Для выражения модальности, в принципе, нет различия в структурах *Мальчик умеет плавать – Мальчик не умеет плавать*. Здесь реальное модальное значение одинаково выражено формами изъявительного наклонения. Напротив, в логике мыслительный акт раскрывается именно посредством утверждения и отрицания.

Ни утверждение, ни отрицание говорящим реальности/ирреальности факта не выражают модальной квалификации содержания предложения. И утверждение, и отрицание в равной степени констатируют факт действительности. Отнесение утвердительно/отрицательных смысловых отношений к объективно-модальному значению предложения является неправомерным. Как правило, модальность в этом случае понимается как категория широкая, и даже как целый комплекс категорий. Но если в логике категория утверждения/отрицания проявляется четко и однозначно в суждениях (истина есть то, что не ложь), то в лингвистике дело может обстоять иначе. Некоторым типам предложений категория отрицания вообще не свойственна (например, односоставные номинативные). Другие, напротив, могут иметь только отрицательную форму (безлично-отрицательные, некоторые безлично-инфинитивные). Третьи по форме утвердительны, а по содержанию приближаются к отрицательным

(Ср.: *Рассказиками этими едва ли можно было прошибить здорового* (А. Солженицын); *Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью* (М. Горький)).

Между предложениями утвердительного и отрицательного типа различий с точки зрения реальности их содержаний нет. В модальном плане они равноценны. Различия здесь – исключительно в содержании концептов смысловой структуры суждения: утверждение выражает наличие связей между явлениями действительности, а отрицание – отсутствие таких связей.

МПЧ могут корректировать местоположение предложения на смысловой оси «утверждение/отрицание». Однако являясь средствами выражения субъективной модальности, данные частицы не могут изменять объективно-модальное значение предложения – переводить его из плана реальности в план ирреальности и наоборот. Двухкомпонентная схема модальной классификации предложений по признаку «реальность/ирреальность» с ведением в состав конструкции лексико-грамматического модального квалификатора остается стабильной: *Степан небось опомнится до сих пор не может* (Ф. Панферов); *Сижу – вроде думаю, а вот так спроси – не знаю, о чем* (В. Шукшин); *-Так вас ждать или нет? -Не знаю, хотя вряд ли* (Ю.Семенов). С точки зрения объективной модальности вышеприведенные предложения равноценны: в них выражено значение реальности. В противоположность им, скажем, предложения наподобие *Ты, чай, придешь к Лизаньке?* (А. Островский); *Я едва ли стал бы это делать* (В. Шишков); *О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы?* (А. Пушкин); *-Разве тебе, – плачет, – ее не жаль? Видишь, как она ко мне жметса* (Н. Лесков) обладают ирреальной модальностью, их содержание соотносится с планами желаемого и возможного (Ср.: *Я вряд ли хотел – Я вряд ли хотел бы; Я словно знал – Я словно бы знал* и т.п.).

Утвердительная и отрицательная формы констатационных предложений типа *Дождь идет; Машина едет; Студенты учатся* (структурный признак такого предложения – значимое отсутствие субъективно-модального квалификатора) служат для выражения нейтральной (констатационной) достоверности, ибо в смысловом плане данное модальное значение содержит уверенность. Это либо уверенность в утверждении какого-то факта действительности, либо в его отрицании.

Таким образом, и утверждение, и отрицание соотносятся с уверенностью автора в достоверности сообщаемого. Принадлежностью категории модальности будет именно эта уверенность говорящего, – во-первых, и констатация утвердительного или отрицательного факта как достоверного или вероятного, – во-вторых. В этом состоит аспект соотношения утверждения/отрицания с персуазивностью, для которой характерной оказывается сниженная степень уверенности говорящего в сообщаемом. В последнем случае это констатация (утверждение), но констатация факта модальной квалификации события («я утверждаю, что я так считаю»): *Однако ж ведь они и сами хороши: Сидят и про себя, чай, думают: авосьли Над легковушкой их мы похочем, – после* (А. Грибоедов); *-Умная женщина, – сказал Джума Хак со странной интонацией, глядя ей вслед. – Едва ли мы ее убедим* (В. Головачев); *Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и словно совещались друг с другом* (В. Обручев). Уверенность же в значительной степени обусловлена степенью знания говорящего о квалифицируемом событии со стороны соответствия или несоответствия этого события действительному положению вещей. Это составляет другой аспект соприкосновения утверждения/отрицания и модального значения проблематической достоверности.

Приближение предложений с МПЧ к смысловым полюсам утверждения/отрицания во многом зависит от типа конструкции: при утвердительной форме – явная тенденция приближения к констатационному полюсу утверждения, при отрицательной – к полюсу отрицания. Ср.: *Струсивший солдат как бы дал вам понять,*

какая опасность вас ждет впереди... (В. Шукшин) – Он **как бы** не видел ее (К. Паустовский); – Ты **вроде** мне говорил об этом (В. Шишков) – А **вроде** и не знал, – задумчиво бормочет дед (В. Шишков); – Ты **небошь** слышал, какое у нее несчастье приключилось? (В. Катаев) – **Небошь** и не хочется совсем идти в такую даль? (газетн. текст); – Ты, молодка, **чай**, уже и расхотела со мной дело иметь? (В. Слепцов) – Он, **чай**, и не рад уже, что пришлось взяться за перевоспитание? (К. Булычев); – Да **поди** забежит еще на днях (газетн. текст) – А вы не слышали, наверно, что вышло? И соседи **поди** не слышали? (журн. текст).

Как известно, в качестве утвердительных в языке выступают такие предложения, в которых связь между явлениями действительности утверждается как реально существующая. Они не имеют специальных языковых средств, которые фиксируют утвердительность. Предложение является утвердительным тогда, когда в нем не зафиксированы формальные показатели отрицательности, т. е. утвердительность определяется по смыслу. Уже в этом определении косвенно указано на двойственную природу конструкций с *едва ли*, *вряд ли*. Во-первых, данные предложения в формальном аспекте действительно относятся к утвердительным. В пользу этого говорит основополагающий аргумент – отсутствие как частицы *не*, так и других средств отрицания. Однако если за основу брать не формальную, а смысловую характеристику предложения, то придется признать неизбежность причисления данных предложений к ряду утвердительных.

Признание постулата объективной действительности заставляет рассматривать в качестве объекта отрицания факт отсутствия его в действительности. Отрицание указывает, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Таким образом, отрицание – элемент значения предложения, указывающий на отсутствие связи между явлениями, о которых идет речь. Но и этот аргумент нельзя признать определяющим в смысловой характеристике конструкций с *едва ли*, *вряд ли*, так как в них нет достоверного указания на факт отсутствия связи между явлениями действительности. Отсутствие такой связи лишь предполагается, что может быть как подтверждено, так и опровергнуто в конечном счете: *Сегодня мы едва ли успеем доплыть до реки Макшеева* (В. Обручев); – **Вряд ли** что-нибудь скажут ей все эти терновцанские наши истори (О. Гончар); – *Слушай, а как думаешь: Льва Толстого он читал?* – Ну, **вряд ли**, – удивился учитель. – *Не думаю* (В. Шукшин).

Сказанное не позволяет отнести предложения с *едва ли*, *вряд ли* к таким, в которых однозначно выражается утверждение или отрицание как смысловое констатирующее значение. Введение *едва ли*, *вряд ли* в состав предложения не нарушает его структурной схемы, но актуализирует какой-либо оттенок, близкий в семантическом плане утверждению обратного: *Вот люди, есть ли им подобные? Наверяд... Ну, между ними я, конечно, зауряд* (А. Грибоедов); **Едва ли** наши астрономы службы пространства слушают в этом диапазоне (В. Головачев); *Колька знает, что Валюша едва ли выглянет, но нарочно зовет* (В. Шукшин). Включая в предложение модально-персуазивный квалификатор, говорящий ориентирует адресата на то, что он хотя и сомневается в совершении определенного события, но тем не менее и не утверждает, что последнее не может произойти вообще. Немаловажным оказывается здесь то, что говорящий выбирает все-таки утвердительную форму конструкции, которая предполагает наличие определенной доли допущения утверждения по поводу факта действительности. Последнее значительно ослаблено в силу введения в структуру предложения частиц *едва ли*, *вряд ли*: это утверждение авторского сомнения. То есть при положительной структурной организации предложение начинает обладать семантикой, приближающейся к отрицательной. Рассматриваемые конструкции – яркий пример того, что семантический и структурный аспекты не всегда прямым образом взаимообусловлены. Именно поэтому предложения с *едва ли*, *вряд ли* при их смещенности в семантическом плане к отрицательным в структурном отношении остаются тем не менее утвердительными предложениями.

Таким образом, схема «утверждение/отрицание» в логике значительно расширяется в лингвистике. Данная оппозиция должна быть даже в самом общем виде представлена не как двух, а как трехчленная. Однако и это лишь начальный вариант, так как количество переходных случаев гораздо больше, и по смысловым характеристикам они гораздо разнообразнее той промежуточной ступени, которая была предложена О. Есперсеном. Отношения между членами этой ступени усложняются тем, что последние находятся в оппозиции не только к смысловым категориям утверждения и отрицания как языковому воплощению модального значения нейтральной (констатационной) достоверности, но и внутри себя, выступая, таким образом, в роли самостоятельных компонентов смысловой (МШСД) и формальной парадигм. Например, модальное значение проблематической достоверности противопоставлено значению категорической достоверности (вероятности) как авторское предположение (сомнение) акцентированной авторской уверенности в сказанном; проблематическая и категорическая достоверность в свою очередь противопоставлены модальному значению нейтральной достоверности, а последнее тоже составляет оппозицию, представленную на абстрактно-смысловом уровне констатационно утвердительными и отрицательными конструкциями. В этой сложной иерархии предложения с МПЧ занимают место на МШСД между двумя смысловыми констатационными полюсами. Частицы участвуют в противопоставлении предложений по модальным свойствам, являются одним из лексико-грамматических средств выражения модально-персуазивной квалификации, приобретают важную роль как смысловые концепты, корректоры семантического поля предложения и фиксаторы его места на указанной шкале.

Выводы

Резюмируем сказанное. С одной стороны, утверждение/отрицание тесно сопрягается с персуазивностью, особенно на уровне средств выражения, и в этом аспекте трудно переоценить роль МПЧ как корректоров смыслового поля предложения. С другой стороны, сами виды модальных характеристик не организуются вокруг категории утверждения/отрицания даже в тех предложениях, где она четко выявлена на конструктивном уровне. Утвердительный и отрицательный типы предложения предстают лишь формальной базой для выражения модального значения нейтральной, констатационной достоверности, потому что в семантическом плане данное модальное значение содержит уверенность как смысловой компонент фактической констатации. Предложения же с МПЧ как при утвердительной, так и при отрицательной форме конструкции не соотносятся с модальным значением нейтрально-констатационной достоверности. Они отражают сниженную степень уверенности говорящего в сообщаемом и, как следствие этого, занимают промежуточное положение между смысловыми полюсами, фиксирующими значение нейтральной достоверности. В совокупности с другими лексико-грамматическими показателями персуазивности МПЧ служат для выражения смысловых комплексов, образующих самостоятельную сферу, фиксируемую на МШСД.

Список литературы

1. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен – М.: Изд. иностр. л-ры, 1958. – 404 с.
2. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
3. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева – Красноярск: Изд. КГУ, 1988. – 54 с.
4. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони – М.: Изд. лит-ры на иностр. яз, 1955. – 392 с.

5. Распопов И. П. К вопросу о модальности предложения / И. П. Распопов // Ученые записки Благовещенского педагогического института. – Т. 8. – Благовещенск: Изд. Благовещ. пед. ин-та, 1957. – С.177 – 197.

6. Панфилов В. З. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения) / В. З. Панфилов – М.: АН СССР, 1963. – 79 с.

7. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.

8. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Изд. МГУ, 1972. – 198 с.

9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А.Золотова.– М.: Наука, 1973. – 351 с.

10. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко – М.: Наука, 1983. – 212 с.

CORRECTION FUNCTION OF MODAL PARTICLES OF PERSUASIVENESS

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article analyzes the correction function of modal particles of persuasiveness as representator of point of view of the speaker in the aspect of uncertainty. Modal persuasiveness particles are considered to be a means of correcting the position statements on modal scale degrees of reliability between the poles of affirmation and negation.

Keywords: modal particle persuasiveness, modal scale degrees of reliability, function, approval, denial, assumption into question.